

18+

артём косов

ЗАБЫЛ БЫТЬ РОМАНТИКОМ

Артём Косов

Забыл быть романтиком

«Издательские решения»

Косов А.

Забыл быть романтиком / А. Косов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-678416-1

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. «Забыл быть романтиком» — это состояние, это
выражение, которым ты объясняешь всё, что с тобой случилось. Когда-то я
был романтиком, а когда-то не был. Когда-то я делал всё правильно, а когда-то
делал всё неправильно. Когда-то я был, а потом не был. К выражению «забыл
быть романтиком» можно добавить «так я», или «поэтому», или «а потом
вспомнил», или ещё что-нибудь, что может хорошо дополнить эту фразу.

ISBN 978-5-00-678416-1

© Косов А.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
ПАПОРОТНИК	7
ПОДСТАВА	10
ШРАМ	14
АПРЕЛЬСКИМ УТРОМ НА ЮГЕ МОСКВЫ	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Забыл быть романтиком

Артём Косов

Иллюстратор Денис Владимирович Косов

Дизайнер обложки Татьяна Владимировна Некрасова

© Артём Косов, 2025

© Денис Владимирович Косов, иллюстрации, 2025

© Татьяна Владимировна Некрасова, дизайн обложки, 2025

ISBN 978-5-0067-8416-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

«Забыл быть романтиком» – название, идеально подходящее к книге, идеально подходящее к сборнику ранней прозы. Я долго думал, как обозначить эпоху, состоящую из моих самых ранних рассказов, рассказов чуть лучше, хороших рассказов и очень хороших рассказов. И когда название пришло – а оно попало мне само собой, так просто, зимним днём, когда я шёл под эстакадой Волгоградского проспекта в Москве, возвращаясь домой, – тогда я совсем не знал, как объяснить «Забыл быть романтиком» и что это всё значит.

«Забыл быть романтиком» – это состояние, которым ты объясняешь всё, что с тобой случилось. Когда-то я был романтиком, а когда-то не был. Когда-то я делал всё правильно, а когда-то делал всё неправильно. Когда-то я был, а потом не был. К выражению «забыл быть романтиком» можно добавить «так я», или «поэтому», или «а потом вспомнил», или ещё что-нибудь, что может хорошо дополнить эту фразу.

Со временем я понял, что объяснение названия «Забыл быть романтиком» не важно. Его легко разжевать, но лучше и проще всего его почувствовать. А почувствовать это проще всего, прочтя все рассказы, что я поместил в этот сборник. Самые ранние. Те, что получше. Хорошие. Очень хорошие.

Всё, не люблю я долгие вступления.

Ваш К.

ПАПОРОТНИК

Мы с мамой переехали от бабушки.

Я ходил в пятый класс. Теперь мы с мамой должны были жить вдвоём. Наша квартира находилась в доме через дорогу от бабушкиного. Этот район я знал очень хорошо. Мама продолжала почти непрерывно работать – часто ездить в командировки. На то время, когда её не было дома, бабушка возвращалась в мою жизнь. В нашу с мамой новую квартиру она, можно сказать, переезжала.

Мы с мамой переехали от бабушки.

Квартиру мы сняли двухкомнатную. Мне достался зал, а маме – спальня. Маме нужна была только кровать, чтобы на ней спать. Спала она всегда, когда не работала, спала всегда, когда оставалась дома. А я был тогда школьником, водил друзей. Но когда мамы дома не было, а не было её с каждым разом всё дольше, у нас жила бабушка, которая не любила, когда в квартиру приводят друзей. Ожидание и реальность – это моя мама и бабушка. И пока ожидание было только в воспоминаниях, реальность занимала комнату ожидания. Бабушка спала в маминной комнате. Даже когда мама была в городе, бабушка оставалась у нас, но тогда уже в моей комнате. Она занимала диван и выбирала любимые каналы на телевизоре, а мне доставались книжки и сон в кресле-раскладушке.

– Теперь вы живёте одни, – говорила моя бабушка, стоя на кухне, моя посуда в нашей с мамой съёмной квартире. – Ты должен учиться быть самостоятельным.

Я слушал её, параллельно читая о Шерлоке Холмсе.

– Правильно, – хвалила она меня, кивая на книгу, – читай.

Мы с мамой переехали от бабушки.

Но она стала приходить всё чаще. Бабушка просыпалась у себя дома и шла к нам, готовила нам с мамой обед и ужин, как и было раньше, но только в бабушкиной квартире через дорогу. Между готовкой и уборкой она читала Библию. Со временем познакомилась с бабушками, которые обычно стоят возле подъезда: караулят, кто вошёл и кто вышел, гоняют бомжей, превращая их в алкоголиков с домами или наоборот, и обсуждают цены на сахар и гречку. Те бабушки не читали Библию. А те, кого бабушка уговорила почитать Библию, не читали её настолько трепетно, как этого требовало бабушкино желание. Дружбы не случилось. Мы с мамой жили отдельно, но толком ничего не поменялось. Бабушка стала обустраивать квартиру: стирала шторы, выбивала ковры, чистила сервиз.

Только я заходил домой – на столе уже стоял обед. Мы с бабушкой ели. Она спрашивала меня про школу, про оценки, про учителей, про друзей. Я рассказывал. Когда мы всё съедали,

она собирала тарелки со стола и клала их в раковину, а потом мыла их. Кухонный стол превращался в стол для домашней работы, и я оставался на кухне делать уроки. Бабушка уходила читать Библию, называя это «тоже уроками». Помимо рассказов о своём домашнем задании на уроках в школе, бабушка просила меня изредка упоминать о том, как здорово читать Библию, и что вот бы её тоже все почитали. Но я не рассказывал. Мне даже своё домашнее задание было сложно повторить.

Как-то раз бабушка зашла на кухню и сказала тихим, полным интриги голосом:

– Пойдём, что покажу.

Отложив математику, я встал. Мы пошли в мою комнату-зал.

– Смотри, – сказала она. В углу зала, на столе, стоял горшок с большим папоротником.

Бабушка продолжала:

– Нашла его у вас. Его давно никто не поливал, он чуть не умер. Спросила у тёти Тани журнал про растения. Надо бы за ним поухаживать, а то квартира не ваша, ещё поругаются.

– А я его никогда не видел тут, – сказал я.

– Он был спрятан у мамы в комнате. Теперь вы живёте одни, ты поливай его каждую субботу. Им много воды не нужно.

Я подошёл к столу. Единственное, что я знал о папоротниках: они размножаются спорами. Взяв один из его длинных стеблей, заглянув под него, я увидел те самые споры – маленькие зёрнышки коричневого цвета.

– Здорово! – обрадовался я. – Бабушка, смотри, это споры. Так папоротники размножаются.

– Прекрасно, что ты это знаешь, – похвалила она меня. – Но пусть споры останутся у растений. Человеку они ни к чему.

Я почувствовал себя самостоятельным. Теперь у меня было что-то, о чём я должен был заботиться. Был ощутим гигантский прилив сил и уверенности. Даже мои оценки в школе стали лучше. Я каждую субботу поливал папоротник.

Мы с мамой переехали от бабушки.

Первое время она была у нас часто, почти постоянно. Но после их разговора с мамой – тогда мама долго плакала, а затем долго смеялась, но потом всё-таки ещё поплакала, но уже не так долго, – после этого самого разговора появления бабушки у нас стали редкостью. Теперь я сам приходил к ней. Её дом стоял напротив школы. Я обедал у неё, а потом шёл к себе, в квартиру, которую мы снимали с мамой. За столом у бабушки я рассказывал про школу, про оценки, про преподавателей, про друзей и очень много говорил про папоротник, который я поливал каждую субботу.

В пятницу я с нетерпением ждал следующего дня. Субботы. Я ждал, как приду домой, положу рюкзак, сниму школьную форму, повешу её на вешалку, как оденусь в домашнюю одежду (ходил я всегда без тапочек и без носков), как наберу воды из крана в стеклянный стакан и как подойду к моему папоротнику и полью его. Поливать каждую субботу – дословно из журнала, который бабушка взяла у тёти Тани.

Мы с мамой переехали от бабушки.

По субботам последним уроком была физкультура. Зимой мы выходили на улицу. Девочки катались на коньках по льду в хоккейной коробке, а мы, мальчики, на лыжах вокруг школы. Я сильно уставал. Кататься на лыжах я не любил, меня заставляли. Иногда мы прятались за бортиками коробки, но кататься, пусть и неуклюже, было теплее, чем сидеть в снегу под забором.

Как-то раз, после очередного урока физкультуры, я спешил домой. Раскидав ботинки по углам прихожей нашей с мамой съёмной квартиры, я хотел скорее дойти до дивана и упасть, пропасть в холодных простынях, короче – уснуть. Так я и сделал.

Проснувшись через час, я понял, что уснул в школьной форме, а моя рука сильно затекла. Словно тысячи иголочек вместе покалывали мою ладонь. Напротив моего дивана стоял сервант, за стеклом которого находился сервиз и много посуды, расписанной в стиле гжель. Не наш, а чужой набор. Всё как надо, такой я всегда и представлял себе взрослые квартиры. Но ведь это была не моя квартира, мама и я просто её снимали. Но мы были окружены вещами тех, кто жил в этой квартире до нас. И я перенимал культуру тех, кто жил в этой квартире до нас. Культура давно исчезнувших и незнакомых людей становилась моей культурой, даже если я в ней не нуждался. За стеклом стоял большой расписной сервиз и пара чёрно-белых фотографий, на которых я никого не знал. Эти люди были мертвы. Но мы решили не убирать их из уважения к ним. Ниже на полке стоял горшок с моим папоротником.

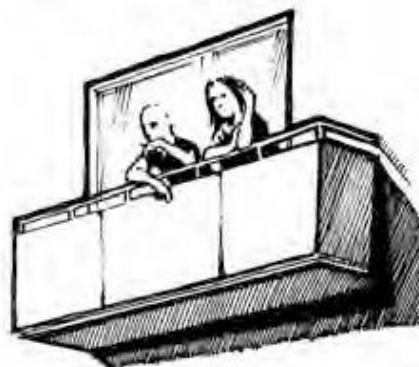
Солнце своими лучами нагло проникало ко мне в комнату. Близился закат. Я сел и стал разминать почти онемевшую ладонь, разгонять кровь внутри. Взгляд мой остановился на маленьких каплях воды на папоротнике. Они переливались на солнце. Я замер, стал наблюдать эту красоту. Первое, о чём я подумал: расскажу бабушке. Меня тянуло рассмотреть всё поближе.

Своей рукой я осторожно потянулся к одной из капелек на листочках папоротника. Меня окутал страх сломать красоту навсегда, ведь всякая красота неповторима! Дотронувшись аккуратно указательным пальцем до одной из капелек, я искренне удивился: он не стал мокрым или даже влажным. Мой палец так и остался сухим! А капелька не думала терять свою прекрасную форму. Тогда я надавил на неё – ничего не произошло. Я пригляделся – это клей. По всем листкам моего папоротника были разбросаны капельки клея! Я отскочил. А потом вернулся и схватил горшок обеими руками. Капли из клея! Листья из ткани! Корни из пластика!

Полгода я поливал искусственный цветок! Вот что я рассказал в тот вечер бабушке по телефону. Мы долго смеялись, а потом попросились. Я положил трубку и остался стоять в коридоре один.

Мы с мамой переехали от бабушки.

ПОДСТАВА

Когда-то я был маленьким.

И, как любого такого же маленького, меня тянуло к другим маленьким. Потому что ниже нас были только жуки, кошки и собаки, с которыми мы не общались. Животные не разговаривают. А взрослые, хоть и выше (правда, встречались и похожие на нас), но те всё время говорили о скучном. А мы никогда не молчали.

Мы собирались на детских площадках.

Песочница – город и подземная парковка, иногда куличики, но даже девочкам нравилось закапывать машинки и кукол поглубже. Карусель – вертолёт или экспресс; два круга влево, и ты на новой площадке, чтобы вернуться, нужно сделать два круга вправо, а то потеряешься, и родители будут ругать. Горка – вентиляция банка, которая поможет его ограбить или спасти всех заложников; всё зависело от того, каким Брюс Уиллис окажется на экране канала СТС в 21:00. «Смерть ей к лицу»¹ всех разочаровала. Качели – качели. Всем нравилось закидывать голову, чтобы видеть мир наоборот, иначе или просто вверх ногами, и ещё прыгать. Плеваться, кто дальше. Лишь бы не попасть на себя, а такое часто бывало.

Счастливое детство – лишь набор красок, спаянных железных прутьев и масло, чтобы не скрипело.

Там, где я рос и виделся с маленькими, было две детских площадки. А, три, точно. Старая, новая и другая. Новая – напротив моего дома, прямо за хоккейной площадкой, на которой никогда не было льда. Зимой там выгуливали собак, а летом собиралась группа гимнасток. Что-то щекотало у меня под рёбрами, когда я смотрел, как они выполняют движения голыми руками на асфальте. Их тренер приезжала издалека, сорок минут на маршрутке.

Старая площадка была во дворе пятиэтажек. Из окон самого ближайшего дома кто-то во всех велосипедистов, проезжающих мимо, постоянно бросался луком. И в меня. Небольшая луковица однажды ударила меня по голове, я резко повернул и проехал ещё немного, пока не упал. За неделю до этого родители на рынке сказали: «Дешевле – лучше, ты всё равно растёшь». Я проехал несколько метров в сторону парковки после того попадания луковицы прямо по моей растущей голове. Ещё одна, очень мелкая луковичка, застряла в переднем колесе моего велосипеда, и он вышел из строя. Колесо выскочило и отлетело в сторону, то есть куда-то вперёд, где меня ещё не было. Всё двигалось само по себе. Заднее колесо не тормозило,

¹ «Смерть ей к лицу» – американская фантастическая чёрная комедия 1992 года режиссёра Роберта Земекиса. Герой Брюса Уиллиса в ней совсем не «крепкий орешек».

потому что цепь слетела. Я упёрся в землю той штукой, которая когда-то держала моё переднее колесо – теперь там осталась деталь, похожая на вилку. Я хотел спрыгнуть. Но перевернулся через руль, потому что от удара он расшатался. Крепко держа руль, как меня и учили, я оказался на асфальте. Вокруг лежали непонятные сломанные и поржавевшие детали. Будто у меня никогда не было велосипеда. Только фантазия о нём.

Однажды и мой папа ехал на велосипеде, тоже в детстве. Тогда он врезался в мусорку. Сломал нос. Теперь я его понимал. А ещё он тоже ходил на старую детскую площадку. Прямо как я. И тогда он тоже называл эту площадку старой, потому что всё на ней скрипело. Горка была построена из остатков местной котельной. Они закопали в землю трубу, по которой должна была идти горячая вода, и поэтому её цвет был красный. Забравшись на эту горку, мне казалось, что я был выше своего дома, а тот был девятиэтажным. Когда я смотрел вниз, моё сердце стучало быстрее.

Лестницу сделали из лишних частей забора. Подниматься было больно, чугунные прутья резали ступни, но сначала протирали подошву на сандалиях. Саму горку сделали из металлических пластин. Точно такие же я видел на крыше пятиэтажного дома, из которого кидались луком. Да, с горки было хорошо видна крыша пятиэтажки, стоящей напротив.

Когда мой папа стал папой, а я – маленьким, он часто водил меня на старую детскую площадку, где я мог быть Человеком-пауком, потому что мои пальцы отлично прилипали к тем железным пластинам, из которых была построена горка. Я мог забираться по ней, как Человек-паук. Я был самым сильным в мире супергероем, а папа курил, сидя на лавочке. Он пил настойки и прятал бутылочки в своей рабочей сумке, пока я спасал мир. Потом за нами приходила мама, и мы шли домой.

Не знаю, когда точно появилась третья детская площадка. Я видел её в окно. Она была во дворе зелёных домов, прямо за магазином, дальше которого я никогда не ходил.

Я видел детей на той детской площадке, но не знал их. Я запоминал, как они выглядят, и рассказывал о них другим. Мы должны были быть готовыми к знакомству. Дети всех детских площадок в мире ходят искать новые, рано или поздно. Потому что всем рано или поздно становится скучно. Даже взрослым. Мир так и не решил эту проблему.

Я был готов отправиться на ту детскую площадку. Я знал, что сделаю это сразу после того, как мне надоест падать в высокую траву с большой лестницы на старой детской площадке. Когда я откажусь быть Человеком-пауком, потому что я спас всех в этом городе, даже несколько раз. Я сидел на краю той высоченной горки, как Питер Паркер на Эмпайр-стейт-билдинг, прилипший. Пока мама не позовёт меня домой.

Однажды, когда я с другими маленькими играл на площадке в самый разгар строительства подземного города, к нам пришли новые дети. Я узнал их. Я очень этому обрадовался. Но не новым знакомствам, а новым территориям, куда теперь я мог приходить без спросу. Теперь, в обмен на своё появление, дети с другой детской площадки обязаны были поделиться с нами всем, что сами имели.

Я слышал, у них была карусель без сидений. Это было важно. С тех пор, как два воскресенья назад я посмотрел научно-популярную передачу про Марс на Рен-ТВ, я готовил себя к полёту. Я готовился стать астронавтом, когда вырасту. Без вопросов.

Тогда у меня не было вопросов, я обязан был полететь. Теперь, когда я научился задавать вопросы, жизнь стала только сложнее.

Вопросов у меня не было и когда я увязался за одной девочкой. Она была новенькой. Я решил, что нравлюсь ей. Что в будущем нам суждено стать мужем и женой. Как мистер и миссис Смит. Потому что так всегда бывает в кино! Это показывали каждый вечер по СТС. Я увязался за незнакомкой, не думая о том, куда мы идём. Мои руки холодели от мысли, что я не умею целоваться. Ведь я правда не умел целоваться. Потому что бабушка всегда говорила: «Закрой глаза, сейчас будут целоваться», а я её слушался.

Новенькая сказала: «Мой дядя работает тут охранником. Он разрешает мне брать всё, что я захочу. Любые шоколадки, мороженое. Всё, что угодно!»

Так мы зашли в продуктовый.

Наверное, я поверил ей, потому что мне было скучно, а её история казалась мне крутой. Меня же ждали шоколадки. Эта история не показалась мне ложью, ведь и у меня в этом магазине был знакомый охранник. Его звали Вова, с ним здоровалась мама, а мне он жал руку, прямо как взрослому. Большому. Покупающему шоколадки по всем правилам.

Я шёл за незнакомкой и думал, какие шоколадки я могу взять. Чупа-чупсы и жвачки мне были неинтересны. Но киндер-сюрприз или киндер-шоколад стоили слишком дорого для бесплатного подарка от дяди незнакомой девочки с другой детской площадки. Я на секунду подумал, что, может быть, её дядя – это и есть Вова. Но его нигде не было.

Поведение джентльмена – вот о чём я думал в тот момент. Не брать в подарок больше положенного. Мысленно я уже был в чёрном костюме нараспашку, выглаженная белая рубашка, воротник поднят. У меня на лице солнцезащитные очки и борода. Все крутые носят бороду и солнцезащитные очки, без вопросов.

Мы остановились у кассы. Я взял в левую руку «Сникерс», а в правую – «Твикс», потому что не было «Марса», да и не нравился он мне.

– А теперь – бежим! – сказала незнакомка.

Она побежала на выход. Кто-то из кассиров закричал: «Воруют!». Я осмотрелся. Какой-то охранник, расталкивая народ, побежал к выходу, он выбежал на улицу и скрылся. Поднялся шум. Бросить шоколадки – об этом я подумал уже на улице. Девочка убежала направо, в сторону своей детской площадки. Там было её укрытие, там её никто не найдёт.

Я понял, что это подстава и теперь я сам за себя. В голове постоянно крутились фильмы, которые я видел. В которых я мог бы оказаться в главной роли. «Угнать за 60 секунд». «Одиннадцать друзей Оушена». «На игле». Да, точно, «На игле»! Выбери «Сникерс» в левую руку. Выбери «Твикс» в правую, потому что кончился «Марс». Выбери влюбиться в незнакомку, которая общается с тобой, чтобы подставить. Выбери левую сторону вместо правой – потому что все крутые воры разделяются. Выбери разогнаться и споткнуться. Прямо возле ворот...

Ворота склада медленно поднимались. За ними на корточках сидел какой-то парень в красном жилете – работник. Он улыбался и не хотел меня ругать. Он спокойно сказал: «Подойди ко мне». Я подошёл.

Он забрал у меня шоколадки. Я не сопротивлялся.

– Я тебя раньше тут не видел. Ты давно знаешь эту девочку?

Я промолчал.

Промолчал не потому, что не хотел раскрывать свою поделницу – я ничего о ней не знал. И промолчал, потому что мне было стыдно. Настолько стыдно, что после этого случая я решил никогда больше не ходить в этот магазин. Не знаю, конечно, связаны ли эти факты, но через пару лет магазин разорился, и больше туда уже никто не приходил.

Я вернулся на старую детскую площадку, но на горке кто-то катался. Другие люди-пауки. Я ненавидел себя, потому что теперь не заслуживал быть героем. Я отказался рисовать серым фломастером себе паутину на запястьях.

По дороге к дому я заметил родителей. Они курили на балконе. Из квартиры играла музыка. Мне помахали. А я сел на бордюр и заплакал.

Родители долго спрашивали меня, что случилось. Я им всё рассказал. Они посмеялись. Мне всегда хотелось стать таким же счастливым, как они. Они уже и не помнят, но были счастливы тогда. Может быть, и я был тогда счастлив.

Но тогда, сидя в том времени, на бордюре напротив дома, я плакал, и на меня смотрели все уличные собаки.

Мне было страшно.

Потому что я никогда не видел такого в кино.

ШРАМ

Вряд ли. Эта история точно не про меня. Хотя и зовут меня одинаково. Что тогда, что сейчас. Но дни тогда были не те. И люди были не те, что знали меня тогда, и не те, что слышали обо мне сейчас. У меня осталось только имя.

– Саша Чаакин, – сказал я, когда мы познакомились.

Началось последнее лето. Мне всегда казалось, что я умру после выпускного. Закончится школа, и я усну. Проснусь только в тридцать-с-чем-то. В рубашке, с щетиной на лице, за рулём серого автомобиля, мы с моей семьёй будем ехать к бабушке на выходные. Внуки и правнуки по шелчку.

Но тогда, в моё последнее лето, когда я сдал все экзамены, станцевал вальс с Таней Темниковой на выпускном и даже проводил её до дома, а после лёг в кровать до полуночи, то проснулся тем же человеком. Тем же, что и вчера, в день выпускного, который так и не поцеловал одноклассницу Таню Темникову, хотя мог. Перед прощанием она долго смотрела в мои глаза. Улыбалась. Наивно и непредсказуемо. Как на премьере, в кинотеатре. И она взяла меня под локоть, когда я вёл её домой. Торопливо срезая дорогу арбековскими дворами. Тихими и бесфонарными. Наверное, она хотела чего-то большего. Ей наверняка хотелось чего-то побольше, чем моя фраза:

– Мне понравилось танцевать с тобой.

– А мне с тобой. Ты очень хорошо двигаешься.

– Ты тоже, – ответил я. Пора было идти. Я зачем-то сказал: – Мне нужно сдавать биологию.

Мы долго смотрели друг на друга, а потом она сказала:

– Печально.

Таня Темникова погладила меня по плечу и ушла. К себе домой. На третий этаж. Нет, вряд ли она имела в виду что-то ещё. Или я всё не так понял. Но, говорят, все девочки запоминают выпускной на всю жизнь.

Короче, следующим утром, когда я должен был оказаться уже взрослым, с профессией, женой и детьми, ведущим серый автомобиль, ничего из придуманного не произошло, и я проснулся таким же.

Тогда, тем утром, за завтраком, я знал, что не буду поступать в институт. Я даже не старался. Так бывает, если ты думаешь о чём-то большем. Или если твои учителя звонят родителям и говорят:

– Вы знали, что ваш сын решил сдавать литературу в этом году?

Он сказал об этом в середине апреля, когда экзамен будет в начале июня! Из нашей школы никто не сдаёт литературу, потому что экзамен очень серьёзный и очень сложный. Почему он не хочет стать врачом или учителем? Я и сама по первому образованию реаниматолог. Очень популярно среди молодёжи! Пожалуйста, объясните ему, что никто его не подготавливает.

За завтраком папа сказал мне:

– Твоя жизнь познаётся действиями. Мыслями, к сожалению, ничего не добьёшься, – сказал он. – И передай сахар, пожалуйста. Твоя мама снова забыла, как я люблю.

– Да и ты тоже забыл, – ответила она.

А я ничего о том, как и кто любит, не знал. И каждое утро уходил на пруд. Рядом с Городской Больницей №6. Загорать и купаться. На пляж, усыпанный железными зонтиками и осколками пивных бутылок. Или же я отправлялся кататься на велосипеде с друзьями. Дороги постоянно уводили нас за город, в поля. Туда, где ездили тракторы и бегали зайцы. Мы ели дешёвые сухарики, пили тёплый лимонад и включали музыку на телефоне.

Были солнечные дни. Нам семнадцать лет, и мы царапаем колени и локти о колосья. Много шутим и много обсуждаем. Каждый день наша компания меняется. День ото дня она становилась то больше, то меньше. С нами начали загорать и кататься все, кто хотел. Были знакомые из других школ, или те, кто приехал отдыхать сюда на лето. И была Оля Виньева. Двоюродная сестра моего одноклассника Миши.

У неё не было ни велосипеда, ни самоката, но она всегда готовила бутерброды для нас и носила их в своей маленькой плетёной корзинке. Она ездила с нами, сидя на чьём-нибудь багажнике. Чаще всего на моём, потому что он был удобнее всего. И потом я обмотал его мехом из старой папиной куртки, сделал настоящее сиденье.

– Зови меня Оля, пожалуйста, – попросила она, – Не путай меня с Верой или Валею. Или с каким-нибудь другим именем, которое нравится тебе больше, чем это.

– Хорошо, – ответил я.

– Говорят, ты всё утро загораешь на пляже Городской Больницы, – сказала она, держась за моё сиденье.

– Да, – ответил я.

– Говорят, здание на другом берегу – там морг.

– Это правда, – ответил я, и больше не крутил педали, начался спуск. – Я проходил там курсы медбрата.

– Говорят, если за трупами не приходят через месяц, их сжигают в местном крематории и развеивают прах над этим самым озером. И что по пляжу бродят духи. Они специально бьют там бутылки, чтобы к ним никто не приходил. Чтобы их никто не тревожил.

– Вряд ли, – ответил я. – Осколков там много, но никаких духов я там не встречал. По утрам на пляже лишь я и тени от самолётов.

– Хорошо, – сказала она и обхватила меня сзади. Прижалась своей головой к моей спине.

Но тогда наш велосипед летел с горы, и я сам крепко держался за руль, чтобы не упасть. Вряд ли она имела в виду что-то ещё. Или я всё не так понял.

Я встретил её на пляже. Следующим, после нашего разговора о призраках, утром. В то время, когда обычно я один загорал и купался, или сидел под железным зонтиком, вытаскивая из ступней осколки пивных бутылок. А Оля, похоже, пришла раньше, ещё до первых троллейбусных тресков. Похоже, она вышла из дома вместе с дворниками и их собаками, и шла на пляж по ещё пыльным тротуарам. Чтобы встретить меня.

– Я взяла полотенца и бутерброды, – сказала она. И показала на свою плетёную корзинку. – Я думала, ты будешь здесь с самого утра.

– Извини, – сказал я. – Я отводил сестру в летний лагерь.

– У тебя есть сестра?

– Да. Младшая. Ей, кажется, осенью будет семь.

Утром на пляже всегда холодно. И пахнет рыбой. Но если солнце поднимается рано, как тем самым летом, песок сохнет быстрее. И первые, самые верхние песчинки уже поднимает прохладный ветер с озера. Они застревают в твоих волосах и попадают в глаза, и пускают мурашки по обнажённым ногам. Прохладный ветер с озера путал на лице у Оли её золотистые волосы. Она убирала их за ухо, но пряди снова выбивались и липли к алым губам. Почему-то цвет этих губ запомнился мне надолго.

Я постелил своё полотенце, которое всегда носил в рюкзаке вместе с запасными плавками, и сел рядом с Олей. Она была в очках. У неё были такие очки – красные, в форме сердец, какие носили все девушки в моих снах. И я никак не мог понять, смотрит она на меня или ищет глазами приведений из морга с другого берега.

– Вот так ты и проводишь каждое утро?

Я посмотрел вокруг. Мы сидели одни, и прохладный ветер с озера уже замёл мои следы.

– Да, – сказал я. – Иногда сюда приходят кошки и охотятся на уток или рыбу. Не знаю, получается ли это у них, но при мне у них ничего не получалось.

– Печально, – сказала она.

– А ещё я слушаю музыку. Знаешь группу «Кенгуру»²? – и взял телефон, чтобы включить, например, песню «Мустанг».

– Нет, я не слышала, – ответила Оля. – А ты знаешь Imagine Dragons³?

– Да, я слышал.

– А почему их не слушаешь? Это моя любимая группа.

– Не знаю. Мне кажется, они не подходят этому пляжу. И мне.

Она рассмеялась. Будто я пошутил, но я не шутил.

– Куда ты поступаешь? Миша говорит, тебе запретили сдавать литературу, и тебе пришлось сдавать биологию.

– Я подал документы в наш Государственный, на психологию. Но меня не возьмут. Я еле сдал математику.

– А я поступлю на дантиста, – ответила она. – Конечно, с детства моя мама готовила меня быть пианисткой, но потом она передумала, и я тоже передумала. Теперь я стану как папа – дантистом. И я бы очень хотела съездить в Италию. Только сама, или с друзьями, а не с родителями. А ты?

– Я бы съездил на Кубу, – сказал я.

– Почему?

– Там до сих пор по улицам ездят старые машины, а люди ходят в цветастых рубашках.

– Ты уже был там?

– Нет, – застенялся я, – только читал.

– Печально, – сказала она.

– А мне кажется, это забавно.

Солнце уже согрело воду. И мы могли бы пойти купаться. Я заметил, что под своим плащем она одета в купальник. Он завязывался на шее и спине. И что в её плетёной корзиночке, кроме бутербродов, лежали кремы «для» и «против» загара.

– Ты хочешь плавать? – спросил я.

– В этом году я ещё не купалась. И я сильно закричу, – сказала она, – когда зайду в воду в первый раз. А мне, между прочим, нравится эта тишина. Тебе она нравится?

² «Кенгуру» – советская и российская музыкальная группа, основанная в 1989 году в Пензе. Определить жанр, в котором играет группа, крайне затруднительно.

³ Imagine Dragons – американская поп-рок-группа, образованная в 2008 году в городе Лас-Вегас, США.

Мне она нравилась. Оля. И я хотел увидеть её в купальнике. Я разделся, снял шорты и рубашку и пошёл к воде. Я решил познать жизнь действием, как сказал мой папа.

– Я пойду в воду. Ты пойдёшь со мной, – сказал я.

– Да, – и стала снимать своё платье. – Не подсматривай! – попросила она.

Я прикрыл глаза рукой, но всё равно подсматривал. Через щель в пальцах. Вся её спина была усыпана родинками. Как цветами или созвездиями. Маленькими и аккуратненькими. И очень знакомыми. Она расправила свои золотистые волосы, подтянула лямки на купальнике и сказала мне:

– Теперь можно.

Она стояла передо мной в одном купальнике. Длинные волосы гладили её плечи. Её очки остались на полотенце. И тогда я увидел, куда смотрят её глаза. На меня.

Вряд ли она думала о чём-то ещё.

– Мой папа говорит, – сказал я, – что жизнь познаётся действиями.

– Тогда пошли купаться, – сказала она.

Она закричала, когда в первый раз вода коснулась её коленей. Но потом доплыла до середины пруда. И кричала мне оттуда, что там нет никаких призраков.

– Если бы тут были призраки, – сказала она, – они бы точно захотели утащить меня на дно. Потому что от меня много шума!

Мы решили пообедать. Она накормила меня. Бутерброды, что она принесла в плетёной корзиночке, были с привкусом песка. Хлеб размок, а колбаса нагрелась под солнцем. Но я ничего не сказал. Оля укуталась в большое жёлтое полотенце и снова надела очки. Её мокрые волосы блестели на солнце.

– Миша говорит, ты танцевал с Таней Темниковой. А потом проводил её до дома, – сказала она.

– Да.

– Вы целовались? – спросила она, дрожа.

– Нет.

– А ты хотел её поцеловать?

– Нет. – Но теперь я хотел поцеловать её, Олю, и поцеловать так, чтобы она перестала разговаривать.

– Миша говорит, она ждала поцелуя. А потом плакала весь вечер.

Я промолчал. Такое бывает, если виноват в чём-то, о чём не догадывался.

Оля продолжала рассматривать меня. И постоянно задавала вопросы. Всегда ли я был таким кудрявым? Люблю ли я клубничное мороженое? А почему я никогда не ездил за границу? Почему я никогда не был в лагере? Нравится ли мне «Титаник»? И почему я не смотрел «Короля Льва»? Почему я ношу рубашку вместе с шортами? И кем хотел быть в детстве? И почему я слушаю «Кенгуру», а не Imagine Dragons? Это её любимая группа.

– Откуда у тебя этот шрам? – спросила она, показав на колено.

Он страшный. Этот бледный шрам на моём колене. И с загаром он стал заметнее, он никогда не становился темнее. Мама не раз говорила, шрамы украшают мужчин. Но теперь я знаю, что мужчин украшают правильные истории. А тогда я этого не знал и сказал:

– Это кошка. Я сидел на кухне. В одних трусах. Ждал, пока сварятся пельмени. А она, ну, моя кошка, запрыгнула... Впилась в меня когтями. И вот – остался шрам. Она дикая, кажется. Её дядя привозил к нам на время.

Оля посмотрела на меня. Тёплый ветер с озера развивал её волосы. И она щурила глаза из-за летающего песка, разглядывая меня и мой страшный шрам.

– Печально.

И мы поцеловались. Или она поцеловала меня, но я даже не сопротивлялся. Я бы и сам поцеловал её. Наверное. Но я уступил. Ещё когда она смеялась над моим молчанием в полях.

И когда ездил на багажнике моего велосипеда. Потому что девушки сразу знают, чего хотят. И им остаётся только подыгрывать.

Тёплый ветер с озера дул сильно. Мы целовались, и я чувствовал, что песок попадает мне в уши и прилипает к нашим губам. И я знал, что ей плевать на это. И что это мой первый поцелуй. После него мы не посмотрим друг другу в глаза.

А ещё я знал, что мы с Олей Виньевой больше никогда не увидимся. На следующий день она не пришла. И потом, я узнал это от Миши, она поступила в институт. На стоматолога. А через пару лет она родила ребёнка. И вышла замуж. Или что-то в этой истории было наоборот.

Так что вряд ли вся эта история про меня. Никто из тех, с кем я катался на велосипедах за городом, меня давно не видел. Мы не общаемся. А те, кто слышал обо мне сейчас, не знают эту историю, и не видели моего шрама, потому что теперь я не ношу шорты. И что я не люблю Imagine Dragons. Я люблю «Кенгуру» и их песню, например, «Город Пенза», а может и «Это был я». Это же я.

Я так и провёл всё лето на озере, царапая ноги в кровь осколками пивных бутылок. Пока озеро не закрыли в середине июля. Там кто-то утонул. А может быть, наконец-таки всплыл. Когда моей сестре исполнилось семь, мой папа сказал, что мы переезжаем жить в Москву. Город, который я никогда ещё не видел.

– Уж там ты найдёшь себе место, – сказали родители.

И я подумал, что они лучше знают. И подыграл им.

АПРЕЛЬСКИМ УТРОМ НА ЮГЕ МОСКВЫ

Апрельское утро на юге Москвы. Улицы наполнены музыкой. Машины гудят в унисон поющим птицам, лающим собакам и кричащим детям. В окнах домов и витринах бульварных киосков лениво отражается солнце. Прямо над головой зеленеют деревья. Под подошвой – ручьи, осколки, бычки.

Свиринский идет по мокрому тротуару. Вдали он узнает знакомый силуэт и кричит:

– Ко-ос! – и поднимает руку, машет.

Силуэт оборачивается, кивает и ждёт. Прозвища появляются случайно. Плохие запоминаются лучше всего. Этот раз для Колосова стал исключением.

– Привет, – и ребята жмут руки. – Только что видел Кофрова, – говорит Колосов. – Договоримся? Он, кажется, уже внутри. – Не-е. Не хочется его отвлекать. Он и так постоянно опаздывает, но в этот раз он далеко не последний.

Мимо парней пронеслось ещё несколько учеников школы, в которой они учились, и один учитель. Имени у учителя не было, потому что никто его не любил и поэтому он ничего не преподавал.

Свиринский и Колосов пошли вдвоём. За два года старшей школы, подумал Колосов, он в совершенстве научился опаздывать и обманывать. Из багажа в голове можно было найти два стихотворения – «Одиночество» Ивана Бунина и «Жирафа» Николая Гумилёва, да, и ещё дату начала кубинской революции – 26 июля 1953-го. Свиринскому же было достаточно интегралов, трудового права и альбому Эминема. На физике друзья-одноклассники рисовали в учебнике, на алгебре шутили про жизнь прогульщицы Маши, а физкультуру пропускали.

О ней Свиринский говорил так:

– На неё даже тренеры не приходят. Зачем тогда там быть нам? Пошли по домам.

Колосов дёргает ручку школьной двери.

– Закрыто.

Парни смеются. Видимо, это всё. Охранник закрыл двери и пошёл на обход. Всё, как учат.

– Ну, раз нас никто не ждёт...

– Свиринский разводит руками.

– Тогда пошли гулять.

Нужно обязательно выйти на Черноморский бульвар. Без него ничего не получится. Между собой этот бульвар называется – «Чертановская Миля», хоть и даже до самого ближайшего Чертаново тут идти минут десять в совершенно другую сторону. Но в жизни ребят всё, как в том фильме. Стоило Свиринскому зачитать перед друзьями куплет трека Касты «Вокруг шум» возле вентиляционного домика, как Колосов обозвал это место:

– Чертановская миля! – вспоминая таким образом Эминема и его Восьмую милю.

Колосов прячет руки в карманах серого плащика. Он представляет себя причастным к мафии. Но одноклассники ещё не смотрели «Крёстного отца» или «Клан Сопрано» и поэтому назвали эту одежду «формой трудовика», и Колосову было самому смешно, потому что плащик и правда был похож. Свиринский же копирует Маршалла Мэтерса Третьего. Даже походка «реперская» – он тянет левую ногу, как подстреленный или тому подобные. *So bad*⁴.

– Звонил вчера Квентин⁵, – лениво начинает Колосов. – Просился переночевать.

– Снова? Вот гад! Почему он никогда не снимает номер в отеле?

– Вот и я о том же, – вздыхает Колосов. – Короче, только я телефон отложил, а он в дверь звонит! Пришлось впустить.

– И чё он?

– А ты знаешь, у меня мама дома, соседки по квартире. Всем рано вставать на работу.

Свиринский сочувственно качает головой. Он, конечно, знает.

– Пошли мы с Квентином на кухню. Я чай завариваю, а он водку достаёт, от закуски отказывается.

– Мама твоя, наверное, злилась.

– Ну, не совсем чтобы так, чтобы с криками, нет... Она у меня спокойная, всегда поймёт. Но вчера она зашла на кухню, зевнула так сильно и протяжно, и говорит: «Слышь, Квентин! Ты, говорит, наверное, не заметил, но тут людям на работу надо вставать в шесть с фигом-ли, и тебя вообще приходить не просили». А он, гад, целует ей руки, даёт денег и просит включить «Goodnight Moon», танцевать твист хочет. Ладно, думаю, на часок. Часок – это нормально. Короче, попили, потанцевали, легли спать. Я его уложил рядом, постелил одеяло под телевизором. Он во сне ворочается, как шиншилла. Я боялся, он мне всё побьёт. Ну, а утром я его, конечно, до метро проводил – там пусть сам решает. Я же не против человеку помочь, но границы тоже знать надо. В ресторан приглашал. Говорит, открыл на Новом Арбате.

⁴ «So bad» – песня американского реп-исполнителя Eminem. В данном случае обыгрывается название и описание поведения.

⁵ Квентин Тарантино – американский кинорежиссёр, сценарист, продюсер, актёр и писатель. Один из наиболее ярких представителей постмодернизма в независимом кинематографе.

– О, надо будет заглянуть!

– Да, как-нибудь. Лет через пять его точно закроют, но мы лучше подождём телефонного звонка и лимузина.

Парни идут и смеются. Теперь слово за Свириным:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.